

ни веры, любившим великолепие забав и увеселений до безумия, горделивым в своих требованиях, гнусным в поведении, вероломным и жестоким».

Следующие за этим строки оригинала отсутствуют в переводе Фонвизина: «Государем... вероломным и жестоким, как женщина, погрязшая в разврате, нагло злоупотребляет своей властью, чтобы подавлять народы и развращать их до предела ради удовлетворения своей похоти».

Вряд ли эти строки снял сам Фонвизин, боясь их применения к Екатерине II; вероятнее, что их не пропустил цензор, тем более, что они отсутствуют и в позднейшем переводе М. И. Веревкина.

Перевод Фонвизина, изданный в 1779 году, был первым в России. Через год (в 1780 году) книга снова увидела свет: ее перевел с китайского и маньчжурского Алексей Леонтьев;¹⁴ названный выше перевод Веревкина был третьим; несмотря на это, перевод Фонвизина дословно (с сокращением примечаний) перепечатан в «Правдолюбце» в 1801 году.

Итак, Фонвизину, несомненно, принадлежит перевод «Та-Гио», который, как указывал еще Л. Н. Майков, «может послужить к разъяснению политического образа мыслей нашего автора и, стало быть, не менее замечателен, чем перевод „Похвального слова Марку Аврелию“ Тома и „Торгующего дворянства“ Куане».¹⁵

Впрочем, для полной ясности вопроса следует остановиться еще на одной детали.

В «Опыте российской библиографии» сочинение статьи «Каллисфен» и перевод «Та-Гио» приписаны не автору «Недоросля», а его брату Павлу Ивановичу Фонвизину.¹⁶ В «Правдолюбце» действительно оба эти произведения отнесены к одному и тому же лицу: г. фон-Физину, инициалы которого не указаны.

Но можно ли считать автором оригинальной повести «Каллисфен»¹⁷ и в то же время переводчиком «Та-Гио» Павла Ивановича Фонвизина?

П. И. Фонвизин (1744—1803) известен как переводчик, помещавший свои труды в журналах «Полезное увеселение», «Доброе намерение», «Собрание лучших сочинений». Ему принадлежат переводы «Нравоучительных сказок» Мармонтеля, «Силы родства» г-жи Гомиц и «Друга девиц». Все эти переводы относятся, однако, к периоду с 1760 по 1767 год, в следующие же годы П. И. Фонвизин как переводчик не выступал более в печати. Что же до оригинальных прозаических произведений, то о наличии их у П. И. Фонвизина вообще не известно.¹⁸ Как предполагает П. Н. Берков, отсутствие инициалов при упоминании фамилии в «Правдолюбце» — явное свидетельство в пользу всем известного писателя, а именно Дениса Ивановича Фонвизина. Кроме того, нет никаких оснований оспаривать принадлежность последнему повести «Каллисфен», в чем, кстати сказать, не усомнился ни один из советских исследователей и что подтверждается как рядом биографических фактов, так и стилем произведения.

¹⁴ Сы-Шу-Гей, т. е. четыре книги с толкованиями...СПб., 1780, «Та-Гио» здесь названа «Да-Хио».

¹⁵ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 220.

¹⁶ В. С. Сопиков, Опыт российской библиографии, ч. 4, СПб., 1904, № 8724.

¹⁷ Напечатана в «Ежемесячных сочинениях» (1786, ч. II, август, стр. 84—106).

¹⁸ Русский биографический словарь, том «Фабер—Цявловский» (XXI), СПб., 1901, стр. 199.